

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XXI В.: ОТ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА К НЕОКАПИТАЛИЗМУ

N.L. Polyakova

NEW HORIZONS OF THE THEORY OF SOCIETY AT THE TURN OF THE CENTURY: FROM POSTINDUSTRIALISM TO NEOCAPITALISM

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить формирование новых теоретических позиций, которые можно наблюдать при прочтении современности, ее специфики при построении теории общества, теории базового социального конфликта и неравенства. В статье анализируются социологические теории, созданные в последнее десятилетие XX — первые десятилетия XXI в., в которых осуществляется явная или латентная критика теорий постиндустриализма и общества знания и обосновывается в качестве наиболее адекватной теоретической схемы при описании современного общества теория неокapитализма. В центре обоснования помещаются трансформации, претерпеваемые сферой труда и сама природа труда в современных обществах, природа социального неравенства, а также основные тенденции его изменения. В статье делается основной вывод о том, что знание, наука и технология не могут рассматриваться в качестве самостоятельного фактора, объясняющего состояние и трансформацию социальных отношений, как это преимущественным образом было в теориях общества знания и постиндустриализма, а являются подчиненным моментом отношений власти и собственности.

Ключевые слова: теория общества, сетевое общество, постиндустриализм, неокapитализм, финансовализация, неравенство, труд, технологическое замещение, средний класс.

The paper aims to trace the formation of new theories of society, of theories of basic social conflict and of theories of social inequality at the turn of the century. These theories are based on a theoretical scheme of “new” capitalism/neo-capitalism. They also criticize the established theories of postindustrialism and knowledge society. The new theories focus on analysis of the nature of work in contemporary society, of the structures and dynamics of social inequality. The main point of the analysis carried out in the paper is that knowledge science and technology cannot be viewed as an independent explanatory factor on which to base the research of the actual social relations and their transformation. The

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

theories of postindustrialism and theories of knowledge society do precisely this and that is why they are the object of criticism in the new theories which view knowledge, science and technology as subordinate to the relations of ownership and power.

Keywords: *theory of society, network society, postindustrialism, neocapitalism, financialisation, inequality, work, labor, technological substituton, middle class.*

На рубеже XX–XXI в. в социологической теории общества произошли серьезные теоретические подвижки.

Во-первых, речь идет о появлении теорий глобализации, которые оказали самое серьезное влияние на формирование теории общества на рубеже XX–XXI в. Во-вторых, об оформлении “сетевой перспективы” на прочтение современности. В-третьих, о восприятии современных обществ как неокapиталистических.

Благодаря оформлению этих новых перспектив “постиндустриалистские теории”, “теории информационного общества”, “общества знания”, “постмодернистские” теории, задававшие понимание социологического содержания обществ конца XX в., подверглись существенной корректировке.

Теории постиндустриализма своим происхождением во многом были обязаны теориям менеджериального, корпоративного обществ, теориям позднего, или развитого индустриального общества, а также теориям конвергенции, расцвет которых приходился на 1960-е гг. и в рамках которых анализ их как капиталистических обществ отошел на задний план. Зато в центр анализа было помещено знание, его существование в качестве главного социального и экономического ресурса, функционирование которого в обществе рассматривалось в качестве главного осевого принципа, говоря словами Д. Белла. Постиндустриалистские теории, теории информационного общества, даже постмодернистские теории общества с легкой руки Ж.-Ф. Лиотара стали фактически различного рода теориями “общества знания”, в рамках которых распределение социальных статусов, система социального неравенства строились на основе таких ресурсов как знание и уровень образования.

Однако в начале 1990-х гг., после краха “реального социализма” в 1989 г. в социологическую теорию общества самым серьезным образом вернулась перспектива рассмотрения современных обществ как капиталистических или неокapиталистических. Эта перспектива не просто повлиала на формирование теории общества начала XXI в., но и определила ее.

Движение теории осуществлялось от критики теорий постиндустриализма и информационного общества, осуществленной, например, в теории информационного капитализма М. Кастельса,

до теорий финансового капитализма, или капитализма на стадии финансализации, получивших широкий резонанс после финансового кризиса 2008–2010 гг. Восстановление старой перспективы, предлагавшей рассматривать общества конца XX — начала XXI в. прежде всего как капиталистические общества, является третьей “подвижкой” в социологической теории общества начала XXI в. Новизна при этом состоит в том, что речь идет о капитализме, обретшем новые характеристики по сравнению с промышленным капитализмом эпохи классического модерна. Это, во-первых, глобальный капитализм, во-вторых, информациональный, и, в-третьих, это капитализм на стадии “финансализации”.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить трансформацию и формирование теоретических позиций, которые возможно наблюдать при прочтении современности, ее специфики при построении теории общества, теории базового социального конфликта и неравенства.

Информациональный капитализм: М. Кастельс

Теория общества М. Кастельса является одной из первых теорий, которая преодолевает постиндустриалистскую перспективу при описании современного общества и рассматривает современность как сетевой/информациональный капитализм.

По мнению Кастельса, в последние десятилетия XX в. произошли социальные трансформации, которые заделали весь мир и конституировали новый тип социальной структуры, именуемый “сетевое общество”. Для анализа этого общества оказалось необходимым ввести “новую технологическую парадигму”, центральными моментами которой являются основывающиеся на микроэлектронике информационно-коммуникационные технологии и геновая инженерия. Он подчеркивает, что знание и информация не являются определяющими факторами в сетевом обществе, знание и информация являются значимыми в любом типе общества, своеобразной константой, которую следует специфицировать к каждому типу общества. «Поэтому следует отбросить понятие “информационное общество” в силу его неспецифичности и путаности. То, что действительно является новым в современную эпоху, — это новые сети информационных технологий. Они представляют собой более серьезные изменения, чем технологии, связанные с Индустриальной революцией или Информационной революцией. Более того, мы находимся в самом начале технологической революции, и по мере того как Интернет становится универсальным инструментом интерактивной коммуникации, мы сдвигаемся от компьютерноцентриро-

ванной технологии к диффузным сетевым технологиям и, что еще более важно, дав волю биологической революции, создаем возможность для манипулирования живыми организмами и даже для их воссоздания»¹. Важной характеристикой этой парадигмы является расширенное воспроизводство знания и информации в циклическом режиме.

Общая картина “нового мира” конца XX в. выглядит для Кастельса следующим образом. “Новый мир... зародился где-то в конце 1960-х — середине 1970-х, в историческом совпадении трех *независимых* процессов: революции информационных технологий; кризиса как капитализма, так и этатизма, с их последующей реструктуризацией; расцвета культурных и социальных движений, таких как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды. Взаимодействие между этими процессами и спровоцированные ими реакции создали новую доминирующую социальную структуру, сетевое общество; новую экономику — информациональную/глобальную и новую культуру — культуру реальной виртуальности”². Заложённая в этой экономике, обществе и культуре логика лежит в основе процессов и институтов современного взаимозависимого мира. Эта логика воплощена в информационной технологии, сети и стала главным инструментом процессов социально-экономической реструктуризации и трансформирует все области социальной и экономической жизни.

Реструктуризация началась в середине 1970-х гг. как необходимый ответ на кризис экономической модели капитализма и этатизма, сформировавшейся “в период Великой депрессии 1930-х гг. и Второй мировой войны под влиянием экономического кейнсианства и идеологии общества всеобщего благосостояния”³. Кризис этатизма позволил, по мнению Кастельса, капитализму “менее чем за десятилетие” глубоко проникнуть во все страны, культуры, области жизни и организовать жизнь “всей планеты” согласно общим экономическим правилам. Оформилась новая форма капитализма, “более жесткая в своих целях, но несравненно более гибкая в средствах”.

Новый капитализм “характеризуется глобализацией видов деятельности, составляющих ядро экономики, организационной гибкостью и возросшими возможностями управления рабочей силой. Давление конкуренции и ослабление организации рабочей силы

¹ *Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // British journal of sociology. 2000. N 51. P. 10.*

² *Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 492.*

³ Там же. С. 494.

привели к сокращению расходов государства всеобщего благосостояния — краеугольного камня общественного договора в индустриальную эру. Новые информационные технологии сыграли решающую роль в возникновении этого омоложенного, гибкого капитализма, обеспечивая сетевые инструменты, дистанционные коммуникации, хранение/обработку информации, координированную индивидуализацию работы, одновременную концентрацию и децентрализацию принятия решений”⁴.

Это информациональный капитализм. Он опирается на возрастающую за счет инноваций производительность, глобальную конкурентоспособность, интегрирован в культуру и оснащен технологиями, которые рекуррентным образом воздействуют на глобальные сети своих взаимобмен.

Кастельс считает необходимым развести постиндустриализм и информационализм, постиндустриальное и сетевое общество как содержательно, так и исторически. Период, который он называет постиндустриальным — это период 1970–1990-х гг.⁵ Вместе с тем, очевидно, что информационализм вобрал в себя те фундаментальные институциональные новации, с которыми был связан постиндустриализм, а именно с такими, как переход от массового производства к гибкому производству, т.е. переход от фордизма к постфордизму; от традиционной модели корпорации, основанной на вертикальной интеграции и иерархическом функциональном управлении, к линейно-аппаратной системе строго технического и социального разделения труда на фирме, к которому куда более приспособлены мелкие и средние предприятия и постиндустриальной, и информациональной экономики, а также оформление новых управленческих стратегий, ориентированных на снижение уровня неопределенности. Кризис модели вертикальной корпорации явился в некотором смысле ведущей тенденцией становления информационализма. Кастельс подчеркивает, что различные тенденции взаимодействуют и влияют друг на друга, но все они являются “различными измерениями одного фундаментального процесса: процесса распада вертикальной рациональной бюрократической модели, характерной для крупной корпорации в условиях стандартизированного массового производства и олигополистических рынков”⁶.

На руинах этого распада оформилось новое явление, новая организация — сетевое предприятие. Сетевое предприятие — организация, в которой цели и изменение целей формируют и постоянно

⁴ Кастельс М. Указ. соч. С. 493.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Там же. С. 170.

меняют структуру средств. Согласно определению Кастельса, сетевое предприятие — это **“специфическая форма предприятия, система средств которого составлена путем пересечения сегментов автономных систем целей**. Так, компоненты сети одновременно автономны и зависимы vis-à-vis сети и могут быть частью других сетей, а следовательно, других систем средств, ориентированных на другие цели... **Сетевое предприятие составляет материальную основу культуры в информационной/глобальной экономике: оно превращает сигналы в товары, обрабатывая знания”**⁷.

Информационализм, по мнению Кастельса, является современной формой капитализма. Он высказывается по этому поводу совершенно определенно, хотя в своих исследованиях сосредоточивается “не столько на капитализме, который несмотря на свои социальные противоречия жив и здравствует, сколько на информационализме, новом способе развития, который изменяет, но не замещает господствующий способ производства”⁸.

Следуя идеям М. Вебера, он задается целью выявить новую “культурно-институциональную конфигурацию”, лежащую в основе организационных форм экономической и социальной жизни и составляющую “дух информационализма”.

Капитализм в новых, глубоко модифицированных формах, работает прежде всего в сфере экономики. Налицо корпоративный характер накопления и “обновленная притягательность” потребительского общества. Государство и национально-культурная идентичность являются решающими моментами в сфере глобальной конкуренции. Семья процветает и воспроизводится “посредством экономической конкуренции, накопления и наследования”.

Новым является агент капиталистической конкуренции — сетевое предприятие. “Первый раз в истории, — пишет Кастельс, — единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство)... **Единица есть сеть**, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам”⁹.

Эти сети имеют общее основание — “этический фундамент сетевого предприятия”, или “дух информационализма”.

⁷ Кастельс М. Указ. соч. С. 170.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. С. 197.

Речь не идет о единой “сетевой культуре”, или совокупности институтов, или единой хартии прав и обязанностей. Речь идет об общем культурном коде, составленном из «многих культур, многих ценностей, многих проектов, которые приходят на ум и дают сведения для выработки стратегий различных участников сетей, меняясь тем же темпом, что и участники сети, и следуя той же организационной и культурной трансформации единиц сети. Это, действительно, культура, но культура эфемерного, культура каждого стратегического решения, скорее, лоскутное одеяло, сшитое из опыта и интересов... Это *многоликая виртуальная культура* как в визуальных переживаниях, созданных компьютерами в киберпространстве путем переустройства реальности... Любая попытка кристаллизации... культурного кода в конкретном времени и пространстве приговаривает сеть к устареванию... “Дух информационализма” есть культура “созидательного разрушения”, ускоренная до скорости оптических электронных цепей, через которые проходят ее сигналы. В киберпространстве сетевого предприятия Шумпетер встречается с Вебером»¹⁰.

Однако общества, и это чрезвычайно значимая мысль и позиция Кастельса, не являются результатом технологических и экономических трансформаций, так же как и социальные изменения не могут быть сведены к институциональным кризисам и приспособлению. “Новое общество возникает как результат структурной реорганизации в производственных отношениях, отношениях власти и опыта, что приводит к модификациям социальных форм пространства и времени, а также к оформлению новой культуры”¹¹.

Кастельс неоднократно подчеркивает, что, несмотря на соответствующие изменения, которые претерпевают современные общества начиная с 1990-х гг., они все равно остаются капиталистическими обществами, хотя исторически это специфический тип капитализма — информациональный капитализм. Соответственно, в нем налицо трансформация классовых отношений и отношений неравенства, которые укоренены в рамках производственного процесса, в отношениях труда и капитала.

Первое, что в этой связи занимает Кастельса — это изменения, которые в рамках информационального капитализма претерпевает наемный труд. В новой системе производства, сердцевину которой составляет сетевое предприятие, труд “переопределен в своей роли производителя и резко дифференцирован в соответствии с характеристиками рабочих”¹².

¹⁰ Кастельс М. Указ. соч. С. 197–198.

¹¹ Там же. С. 496.

¹² Там же.

Кастельс проводит различие между “родовым трудом” (специализированным, базовым, связанным с определенным типом производства) и самопрограммируемым трудом, основу которого составляет способность и доступ к получению более высокого образования и информации для постоянного изменения и приобретения все более продвинутых технологических и организационных навыков. Самопрограммируемый труд гибок и способен к быстрому перепрограммированию в свете постоянного инновационного процесса.

Родовой труд, в отличие от самопрограммируемого, не связан с постоянным приобретением новых знаний и информации. Его представители выполняют рутинные функции, они взаимозаменяемы и могут быть вытеснены машинами. Кастельс называет представителей, или носителей родового труда “человеческими терминалами” в системе унифицированного трудового процесса.

Этот “разлом” в трудовом процессе порождает основные неравенства, оформившиеся в сфере наемного труда.

Что же касается “собственников”, то структура этой большой группы определяется пониманием и признанием того факта, что информациональная глобальная экономика является, согласно Кастельсу, “более капиталистической, чем любая другая экономика в истории”¹³. Законом ее функционирования по-прежнему является производство ради прибыли и частное присвоение прибыли на основании права собственности. В информационной экономике он выделяет три уровня частнокапиталистического присвоения, три фракции капиталистического класса. Уже это членение, которое осуществляет Кастельс, свидетельствует о неоднородности современного капиталистического класса.

Первый уровень — это “держатели прав собственности”. Среди них: акционеры компаний, собственники семейных предприятий, индивидуальные предприниматели, собственники собственных средств производства, несущие предпринимательский риск, хозяева собственного дела. Самым важным здесь является указание Кастельса на то, что последняя категория, сыгравшая главную роль в происхождении индустриального капитализма, но затем практически вытесненная корпоративным индустриализмом, “впечатляющим образом” вернулась в информациональный капитализм, опираясь на значимость инноваций и гибкости в новой системе.

Второй уровень — это менеджеральная фракция капиталистического класса. Отнесение ее представителей к капиталистическому классу объясняется тем, что они имеют те же интересы и в своей практической логике принадлежат к той же капиталистической “культуре”, что и владельцы собственности.

¹³ Кастельс М. Указ. соч. С. 497.

Третий уровень присвоения прибыли лежит в природе глобальных финансовых рынков и является одновременно старой формой и фундаментальной особенностью информационного капитализма. Современная форма финансового капитализма укоренена в технологических условиях его функционирования, “аннигиляции им пространства и времени посредством электронных средств”, придает форму “права собственности на нематериальное”, форму “иллюзорного имущества”. “Глобальные финансовые рынки и их управленческие сети суть реальный коллективный капиталист, мать всех накоплений... Фирмы всех видов, финансовые производители, промышленные производители, сельскохозяйственные производители. Производители услуг, а также правительства и общественные организации используют глобальные финансовые сети как депозитарии своих доходов и как потенциальный источник более высоких прибылей. Именно в этой специфической форме *глобальные финансовые сети являются нервным центром информационного капитализма*”¹⁴.

Все эти процессы определяют “взаимоотношения социальных классов” в сетевом капитализме. При этом Кастельс считает необходимым указать на три значения понятия “классовые отношения”.

Первое значение связано с пониманием классовых отношений как неравенства по доходу и статусу. В этой перспективе налицо тенденция возрастания социального неравенства и поляризации. Эта тенденция является результатом трех процессов: существующего и возрастающего разлома между самопрограммируемым и родовым трудом; процесса индивидуализации труда, подрывающего его коллективную организацию и оставляющего тем самым слабые сегменты, прежде всего родового труда, без защиты; процессов глобализации, “делегитимизации государства”, гибели социального государства. Эти три процесса являются объективными и предписаны логикой информационного капитализма.

Второе значение понятия “классовые отношения” связано с его пониманием как социального исключения. Под “исключением” Кастельс понимает «разрыв связи между “людьми как людьми” и “людьми как рабочими/потребителями” в динамике информационного капитализма в глобальном масштабе»¹⁵.

Дело в том, что в этом новом глобальном/информационном капитализме появилось большое число людей, которые с точки зрения системы “ничего не значат ни как производители, ни как потребители”. Основная масса “родовой рабочей силы” не имеет

¹⁴ Кастельс М. Указ. соч. С. 498–499.

¹⁵ Там же. С. 499.

постоянного места работы, их занятость носит случайный характер, они часто включены в неформальную деятельность, в том числе в криминальные зоны. Все это приводит к кризисным жизненным ситуациям, ведущим людей вниз по социальной лестнице, порождая “спираль социального исключения”, которую Кастельс называет «“черными дырами” информационального капитализма, из которых очень трудно выбраться»¹⁶.

Крах социального государства приводит к тому, что этот слой “люмпенизированной рабочей силы и недееспособных людей” постоянно пополняется и расширяется за счет выпадающих из конкурентной борьбы и спускающихся вниз представителей среднего класса.

Третье значение понятия “классовые отношения” связано с марксистской перспективой и ответом на вопросы: кто является производителем и кто присваивает продукт труда.

Если инновации и знания есть ключевой ресурс в информационном капитализме, то “создатели знания и обработчики информации” суть основные производители. Но знание и информация являются частью общей системы производства товаров, услуг, управления, т.е. речь должна идти о “коллективном работнике”.

Этот “коллективный работник” имеет сложную композицию. В развитых странах информационный компонент “коллективного работника” составляет около трети всего занятого населения, остальная часть, т.е. большинство, являются представителями “родовой рабочей силы”, нуждающимися в защите при заключении контрактов и найме и потенциально заменяемыми другими представителями родового труда или машинами.

Кастельс считает, что эти две фракции “коллективного” производителя демонстрируют “фундаментальный раскол в информационном капитализме, ведущий к постепенному растворению остатков классовой солидарности индустриального общества”¹⁷.

Что касается ответа на вопрос о том, кто присваивает продукт труда производителей, то, по мнению Кастельса, ответ на него прост: его присваивают работодатели, те, кто нанимает, как это было и в классическом капитализме. Однако в информационном капитализме изменился механизм присвоения, который стал гораздо сложнее: отношения найма имеют тенденцию к индивидуализации; возрастает роль и количество производителей, которые самостоятельно контролируют свой рабочий процесс, их доходы направляются в вихрь глобальных финансовых рынков. Таким

¹⁶ Кастельс М. Указ. соч. С. 500.

¹⁷ Там же.

образом, они также являются коллективными собственниками коллективного капитала. Из сказанного Кастельс делает следующий вывод: “сегментация рынка труда, индивидуализация работы и диффузия капитала в круговороте мировых финансов совместно вызвали постепенное разрушение классовой структуры индустриального общества. Существуют и будут существовать мощные социальные конфликты... Однако они являются выражением не борьбы классов, но требований заинтересованных групп и/или восстания против несправедливости”¹⁸.

Кастельс резюмирует свое исследование экономического неравенства, или как он его называет “производственных отношений”, в следующих положениях: “*фундаментальными социальными разломами в информационную эпоху* являются: во-первых, внутренняя фрагментация рабочей силы на информационных производителей и заменяемую родовую рабочую силу; во-вторых, социальное исключение значительного сегмента общества, состоящего из сброшенных со счетов индивидов, чья ценность как рабочих/потребителей исчерпана и чья значимость как людей игнорируется; и, в-третьих, разделение рыночной логики глобальных сетей потоков капитала и человеческого опыта жизни рабочих”¹⁹.

Новое неравенство и опасности нового капитализма

По мнению одного из ведущих социологов конца XX в. А. Горца, современность — это переходный период, вмещающий несколько способов производства: «Промышленный капитализм, ориентированный на использование больших объемов овеществленного постоянного капитала, все быстрее сменяется капитализмом постмодерна, для которого главным является использование нематериального капитала. Его называют также “человеческим капиталом”, “капиталом знаний” или “интеллектуальным капиталом”. Этот переходный период связан с новыми преобразованиями труда... Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами»²⁰.

Горц осуществляет анализ современного общества, опираясь на теорию капитализма К. Маркса и критику различного рода постиндустриалистских построений, ставящих в основу своего видения современности концепции “экономики знания”, “общества

¹⁸ Кастельс М. Указ. соч. С. 501.

¹⁹ Там же.

²⁰ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 21.

знания”, “когнитивного капитализма”. Он подчеркивает, что уже Маркс считал, что знания должны стать крупнейшей производительной силой и важнейшим источником богатства. Однако по мнению Горца, специфика современности связана не со знанием. Со знанием связана любая экономика. И в этом плане он высказывает позицию и критику в отношении постиндустриалистских теорий, схожую с позицией и критикой, осуществленной Кастельсом.

Позиция Горца состоит в том, что при выявлении характера современности следует говорить не о «науке и не о научно-техническом знании, а об интеллекте, воображении и живом опытном знании, которые в совокупности и составляют “человеческий капитал”»²¹.

Это радикальным образом сдвигает перспективу с научно-технологического оснащения труда на сам труд и его современную природу при поиске принципов, объясняющих современность. Горц фиксирует, безусловно, верный и давно являющийся банальностью тезис о том, что в экономике знаний всякий труд, будь то в перерабатывающей промышленности или сфере услуг, содержит растущую долю знания. Однако знания, о которых идет речь в настоящее время применительно к сфере труда, “не являются формализованными профессиональными знаниями, приобретаемыми в техникумах и институтах. Как раз наоборот: информатизация повысила в цене именно незаменимое, не поддающееся формализации знание. Спросом все более пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка, т.е. те формы живого знания, которые приобретаются в обиходном общении и относятся к культуре повседневности»²². По мнению Горца, необходимо отказаться от “когнитивного” подхода к труду. «Живое знание состоит из опыта и навыков, ставших интуитивной очевидностью и привычкой. Понятие интеллекта покрывает целый спектр способностей: от способности суждения и различения до душевной открытости и обучаемости новому, включая сюда и способность связывать новое с уже наличным опытным знанием. Поэтому выражение “интеллектуальное общество” — наиболее адекватный перевод английского “knowledge society”»²³.

Эти “формы живого знания” как компоненты поведения и мотивация, которые невозможно никак формально измерить, по

²¹ Горц А. Указ. соч. С. 23.

²² Там же. С. 12.

²³ Там же. С. 23.

крайней мере в единицах времени, и являются в настоящее время “важнейшими факторами создания стоимости”.

Единая формула старой политэкономии “капитал + труд” вытесняется и заменяется новой: “капитал + человеческий капитал”. Этот человеческий капитал индивидуален, не может быть стандартизирован и поэтому не может быть измерен не только временем, но и стандартизированной зарплатой. В результате создается уникальная ситуация: возникает новый рынок — рынок человеческого капитала, “на место наемного рабочего приходит трудящийся-предприниматель, который приглашен сам заботиться о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т.д.”²⁴

Отношение рабочей силы к самой себе становится предпринимательским, на месте старого отношения эксплуатации появляется «самоэксплуатация и самосбыт “человекопредприятия”, бесчисленных “Я-АО”»²⁵.

Со стороны предпринимателей этот процесс приводит к использованию стратегии, именуемой “руководством посредством целей”, когда в рамках поставленных перед сотрудниками целей, им предоставляется самим решать, как их достигать. По мнению Горца, это свидетельствует о том, что нематериальный труд и оказание услуг становятся господствующими видами труда, а материальный труд «оттесняется на обочину производственного процесса или просто перемещается в страны с более дешевой рабочей силой. И хотя без этого труда по-прежнему не обойдешься, а в количественном отношении он продолжает составлять львиную долю, он, тем не менее, становится “подчиненным моментом” производственного процесса. Сердцевиной создания стоимости становится нематериальный труд»²⁶.

При этом Горц постоянно подчеркивает, что этот нематериальный труд основывается не на научных или технических знаниях исполнителей, а на способности общаться и кооперироваться с другими, которая относится к культуре повседневности, а не к сфере образования.

Горц солидаризируется с позицией Я. Мулье-Бутана о том, что “работник предстает уже не просто обладателем своей привнесенной извне рабочей силы (т.е. умений, которые определил его работодатель), а продуктом самопроизводства, продолжающим трудиться над самосозданием”²⁷.

²⁴ Горц А. Указ. соч. С. 13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 27.

“Самосоздание” развивается на основе культуры и знания, усваиваемых в процессе социализации, в котором участвуют родители, воспитатели, школа, последующее образование, а также на основе индивидуального жизненного опыта и приобретенного культурного багажа, приобретенного в коллективных «играх, занятиях коллективными видами спорта, дискуссиях, театральной и прочей самодеятельности и т.д. Все эти факторы участвуют в создании “общего интеллекта”, делают доступными и знания, и информацию, а также умение объяснить, понять, найти общий язык с другим, из чего и состоит бытовая культура»²⁸. При этом индивид сам должен усвоить эту культуру и сообразоваться с ней в своей жизни.

“Живые знания” и бытовая культура, участвующие в создании стоимости и являющиеся ее важнейшим источником, именуются Горцем “положительными экстерналиями”. Живые знания, возникающие на основе творчества, новаторства, коммуникации и самоорганизации, не порождают “ничего осязаемого материального”, но особенно важны в сетевой экономике. “Каждый пользователь в сетевом труде постоянно сообразуется с другими, и вводимые им данные запускают процесс, в котором общий результат индивидуально введенных данных намного превосходит их сумму.. т.е. такой деятельности, которая приспосабливается к деятельности других, превосходит, питает ее и при этом порождает общий результат, превышающий индивидуальные возможности участников”²⁹. Речь, таким образом, идет и о включении коллективного труда в категорию капитала, причем не как мощи науки и техники, а как живого коллективного труда. Парадигма такого “импровизирующего полифонического хора” (П. Леви) является, как считает Горц, моделью для любой интерактивной сетевой работы.

Горц указывает, что в настоящее время даже консультанты фирм «признают в позитивных экстерналиях важный источник богатства. Эрве Серье, например, в работе “Научающаяся организация и сложности” продемонстрировал, что предприятие вынуждено опираться на связи и многообразие деятельности своего персонал для того, чтобы справиться со сложностью окружающей среды. Источником производительности выступает самоорганизация, способствующая организации»³⁰.

При этом Горц подчеркивает, что “общество и его составляющие не могут производить самостоятельных субъектов. Они могут лишь создавать и воспроизводить рамки, в которых субъекты в ходе социализации производят самих себя, используя язык и жесты,

²⁸ Горц А. Указ. соч. С. 27–28.

²⁹ Там же. С. 29.

³⁰ Там же. С. 84.

образцы понимания и модели поведения, принятые в культуре и обществе. Никакая институция не может за индивида выполнить работу обучения, овладения навыками и становления. Субъект никогда не задан социалью, он, пользуясь выражением Мориса Мерло-Понти относительно сознания, — существо, которое задает само себя и которое должно сделаться тем, что оно есть. Никто не может ни освободить его от этой обязанности, ни принудить к ней”³¹.

Деятельность по самосозиданию и растущее значение живого труда вызвало не только глубочайшие изменения в характере труда, но и в его организации. Сетевые формы трудовой занятости позволяют фирмам сохранять лишь небольшое ядро постоянных сотрудников с полным рабочим временем — около 10%; 90% — это сменяющаяся масса внешних сотрудников с частичной или удаленной занятостью. Это позволяет нанимателям экономить на производственных затратах, на повышении квалификации сотрудников, медицинском страховании, пенсионном страховании. Все это “внешние” сотрудники должны полностью или частично оплачивать сами.

Речь, таким образом, идет о появлении “самопредпринимателей”, самостоятельно конкурирующих на рынке труда и принимающих на себя все социальные и экономические риски.

Такое самопредпринимательство характеризует уже не только представителей бизнескласса или высших руководителей. “Я-АО”, или самопредприятие, приставка “само”, как считают Д. Меда, Т. Анлемайер, П. Леви, А. Горц, становятся важнейшим требованием к современной рабочей силе: самоуправление, самоорганизация, самоответственность и т.п. считаются самосбытом посредством саморекламы и других конкурентных стратегий на рынке труда.

Как указывает Леви, все непрерывно заняты превращением всех сторон своей жизни в бизнес. “Даже наемные работники становятся индивидуальными предпринимателями, управляющими своей карьерой как маленькой фабрикой”³².

Такое всеобщее распространение “самопредпринимательства”, означающее “устранение наемного труда” и превращение человека и всей его жизни в капитал, с которым он себя полностью идентифицирует, означает тотальную мобилизацию личности как “человека-работника”. Этот процесс по-разному оценивается в современной социологической литературе.

Мулье-Бутан, с которым согласен Горц, считает, что включение “живого труда” в категорию капитала означает эксплуатацию “вто-

³¹ Горц А. Указ. соч. С. 28.

³² Там же. С. 36.

рой степени”, Горц называет это “тотальной мобилизацией”, фактической самоэксплуатацией.

Другая позиция, которую демонстрирует, например, Леви и с которой не согласен Горц, состоит в том, что «“самопредпринимательство” рассматривается как наиболее полное “развитие личности”, которое имеет следствием эмоциональную устойчивость и контактность, а также лучший контроль за интеллектом, из которых следуют и лучшие экономические результаты»³³. Эта позиция игнорирует ненадежность и риск всякой трудовой деятельности, тот факт, что “самостоятельные” труженики редко обладают устойчивой пластическостью.

Более того, защитники теории “общества без наемного труда” пытаются утверждать, что ликвидация найма в старом смысле слова приведет к ликвидации безработицы, а безработные, если таковые имеются, — это люди “недостаточной нанимаемости” по причине недостаточной продаваемости наличных у них знаний. Все это радикальным образом противоречит данным по безработице и ее росту в начале XXI в., однако *неолиберальная* по своему духу идеология и базирующаяся на ней политика современных государств стремятся отменить пособие по безработице, стараясь говорить только о пособии на поиск работы. Борьба с безработицей, ненадежностью современного существования, прерывистостью трудовой занятости в современных обществах не достигает успеха. По мнению Горца, это связано с тем, что главная цель современного государства — “усилить господство капитала над трудящимся населением и внушить людям, что они сами виноваты в том, что остались без работы, более того, что рабочее место нужно им самим для самоуважения, однако они просто не умеют его заслужить”³⁴.

Эта позиция вызывает сопротивление, что выражается в распространяющемся с середины 1990-х гг. требовании никем и ничем не обусловленного “пособия на существование” как гарантированных всем гражданам социальных выплат, прожиточного минимума, “биодохода”. Оно должно помочь справляться с рисками, ненадежностью, паузами в трудовой деятельности.

Главный вывод Горца состоит в том, что «“когнитивный капитализм” — это капитализм, переживающий крушение своих основных категорий. Эти категории — труд, стоимость, капитал, которые выражаются исключительно в обмене товаров и имеют общую субстанцию: измеримый в единицах времени, абстрактный, товарообразный труд. [...] Однако важнейшая производительная сила —

³³ Горц А. Указ. соч. С. 36.

³⁴ Там же. С. 38.

знание — уже не допускает сведения к единому знаменателю “измерения в единицах стоимости и времени”»³⁵. Но в отличие, например, от постмодернистского взгляда на функционирование знания как товара Ж.-Ф. Лиотара, Горц считает, что “знание — это необычный товар, его стоимость невозможно определить, его можно только бесконечно бесплатно размножать, поскольку оно поддается компьютерной обработке, распространение повышает его плодотворность, приватизация же снижает ее и противоречит самой сути знания”³⁶. В подлинной экономике знаний важнейшая производительная сила — знание — должна быть доступна без всякой платы.

Вследствие внутренних противоречий когнитивный капитализм отмечен конфликтами, антагонизмами и крайней неустойчивостью. И эта неустойчивость позволяет, по мнению Горца, сделать вывод о том, что “капитализм знаний — это не капитализм, подверженный кризисам, *он сам и есть кризис* капитализма, до глубин потрясающий общество”³⁷.

Риск, негарантированность, случайность существования современного человека, специфические процессы, протекающие в трудовой сфере, новое социальное расслоение и социально-экономическая поляризация стали ведущими темами в исследованиях современного общества начала XXI в.

Г. Стэндинг, один из современных исследователей этих процессов, изучает их как новейшее явление, сформировавшееся под влиянием внедряемых в жизнь неолиберальных идей, согласно которым рост и развитие зависят от рыночной конкурентоспособности, гибкости и подвижности рынка труда, и поэтому необходимо, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни. Это значит переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их еще более уязвимыми. В результате возникает класс мирового «прекариата», насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности»³⁸, основной опыт и ощущение жизни которого состоит в нестабильности и незащищенности, страхе и неуверенности.

Неолиберальная идеология и ее теоретики осуществили тотальную критику всего послевоенного социального опыта: социального государства, социальных гарантий для промышленного рабочего класса и бюрократического госсектора, лейбористской идеологии и профсоюзного движения.

³⁵ Горц А. Указ. соч. С. 82.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 83.

³⁸ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 10.

Взамен было выдвинуто требование “гибкости рынка труда”. Гибкость включала множество аспектов: гибкость заработной платы (в сторону понижения), гибкость занятости (в сторону понижения и сокращения гарантий), гибкость перемещения с одной должности на другую, гибкость профессиональных навыков (возможность постоянного переучивания сотрудников).

Распространение гибкого труда привело к усилению неравенства и “классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово-обоснованному. [...] Но политика меняется, и реакция корпораций на диктат глобализирующейся рыночной экономики привела к некой мировой тенденции. [...] Миллионы людей в условиях процветающей или зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат — феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом”³⁹.

Стэндинг выделяет семь классовых групп в современном обществе: 1) крошечную элиту, состоящую из небольшого числа невероятно богатых граждан; 2) салиариат — группа обладающая стабильной занятостью и социальными гарантиями (пенсиями, оплачиваемыми отпусками, корпоративными пособиями и т.д.); 4) группа “квалифицированных кадров” (консультанты и независимые специалисты по контракту); 4) костяк старого “рабочего класса”, ряды которого поредели и утратили чувство социальной солидарности; 5) растущий прекариат; 6) “армия безработных”; 7) “обособленная группа социально обездоленных, живущая податками общества”⁴⁰.

По мнению Стэндинга, современный прекариат обладает классовыми характеристиками, но стоит особняком, поскольку состоит из людей, которые минимально связаны с капиталом и государством, и не вписан в отношения “общественного договора”, унаследованного от промышленного общества. На него не распространяется программа “индустриального гражданства”, созданная и “забытая” промышленным пролетариатом. Прекариат имеет “урезанный статус”, поскольку не вписан в старые представления о классе или профессии.

У прекариата отсутствует не только гарантия занятости, для него характерна нестабильность рабочего места и дохода. У него характерная, специфическая структура дохода. Его доход состоит из зарплаты, но в нем отсутствуют гарантированные пособия и льготы от государства или предприятий, любые дополнительные выплаты.

³⁹ Стэндинг Г. Указ. соч. С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 21–22.

Еще одной чертой прекариата является отсутствие самоидентификации на основе трудовой деятельности. Представители прекариата занимают должности в карьерном плане менее перспективные, они не имеют традиций и социальной памяти, чувства причастности к конкретному трудовому или профессиональному сообществу, его практикам, этическим и поведенческим нормам, как правило, не испытывают чувства взаимной поддержки и товарищества.

Главные чувства, присущие прекариату, — это недовольство, аномия, тревога и отчуждение. Эта социальная группа постоянно расширяется и в нее легко попасть представителям других социальных классов. Она расширяется за счет “скатывающихся” под влиянием политики “гибкости” представителей salariата, специалистов и техников, независимых и зависимых специалистов, работающих по договору, за счет женщин, которых вытесняют в “неполную занятость”, за счет людей с временной занятостью, мигрантов, молодых стартапов и т.д. “Прекариатизация” становится мощным и фундаментальным процессом, характеризующим трудовую сферу современного капитализма.

У прекариата нет лестниц мобильности, его представители “зависают” где-то между сильнейшей самоэксплуатацией и свободой, частичной занятостью и слишком большой занятостью.

Стэндинг скептически, в русле критики научно-технического прогресса и критики инструментального разума франкфуртцами, относится к роли, которую играют сетевые интернет-технологии в отношении возможностей роста и профессионального успеха. Причиной этого является “прекариатизированное мышление”.

Не нужно быть технологическим детерминистом, как пишет Стэндинг, чтобы понять, что технологический ландшафт определяет наше мышление и поведение, а представители прекариата не способны контролировать технологические силы, с которыми они сталкиваются. При этом очевидно, что “электронная техника, проникающая во все аспекты нашей жизни, имеет огромное влияние на человеческий мозг, на образ мышления и, что еще тревожнее, на нашу способность мыслить. И то, как она это делает, вполне согласуется с понятием прекариата”⁴¹.

Интернет “переписывает мозги” по-своему. Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий, требует мгновенных реакции и краткосрочных решений. В этом есть определенные выгоды, но «в жертву приносится “образованность” и сама идея индивидуальности. Это шаг к обществу [...] где большинство членов имеют социально сформированные мнения, быстро и охотно пе-

⁴¹ Стэндинг Г. Указ. соч. С. 39.

ренимаемые, — поверхностные, тяготеющие к коллективному одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности. Для этого есть множество научных терминов, например, “непрерывное частичное внимание” и “когнитивное расстройство”»⁴². Происходят интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие изменения, и это согласуется с процессом прекариатизации.

Стэндинг, не без пафоса, выносит диагноз эпохе, претендовавшей быть “обществом знания”: «Образованный ум — признающий пользу “скуки”, состояния покоя и созерцания, неторопливых раздумий в вечной попытке связать прошлое, настоящее и воображаемое будущее — оказался под угрозой от постоянной бомбардировки электронно спровоцированных адреналиновых всплесков.

Умению сосредоточиться, как правило, учатся, и этот навык также может быть утрачен или нарушен. Некоторые биологи-эволюционисты заявляют, что электронные устройства возвращают человека на примитивный уровень, он вынужден инстинктивно и быстро реагировать на сигналы опасности и информацию о новых возможностях, а *научный ум был не более чем исторической aberrацией*. Такая интерпретация биологического регресса не радует, особенно если принять во внимание его чудовищные эволюционные последствия»⁴³.

Это тем более настораживает, что конец XX — первые десятилетия XXI в. продемонстрировали резкий рост прекариата и его повсеместное распространение.

Среди причин или процессов, приведших к этому росту и его интенсификации в первое десятилетие XXI в. Стэндинг называет следующие.

1. Региоваризацию труда, связанную с переходом к гибким трудовым отношениям: гибкости численности, функциональной гибкости и негарантированности рабочего места, демонтажа профессий и профессиональной реструктуризации, гибкости системы заработной платы и реструктуризации общественного дохода.

2. Финансовый шок 2008–2009 гг., безработица и нестабильность, подстегнувшие рост мирового прекариата, а также демонтаж бюджетного сектора, который долго оставался сферой пребывания salariата, но в результате финансовых кризисов начала XXI в. превратившихся в зону нестабильности и стал местом прекариатизации.

⁴² Стэндинг Г. Указ. соч. С. 40.

⁴³ Там же. С. 41.

Неравенство в эпоху неокapитализма: конец среднего класса эпохи постиндустриализма

В 70–80-е гг. XX столетия начала оформляться тенденция расширяющегося социального неравенства и поляризации.

Эта тенденция получила объяснение как результат идеологии и политики свободного рынка и демонтажа социального государства. Однако она очевидным образом противоречила социологическим и экономическим теориям, в соответствии с которыми развитые индустриальные и постиндустриальные общества позднего капитализма должны характеризоваться мощным средним классом и уменьшением неравенства на поздних стадиях развития капитализма безотносительно к проводимой политике.

Эта позиция социологической теории сформировалась уже в начале XX в., когда базовое положение политической экономии капитализма Маркса, согласно которому развитие капитализма должно привести к пауперизации, к процессам обнищания и социальной поляризации, было поставлено под вопрос. Процессы оформления организованного капитализма, получившие отражение в австромарксизме; революция менеджеров и соответствующие теории менеджериального общества; теории массового общества, позднего капиталистического общества, постиндустриального общества — во всех этих теориях получили отражение процессы становления массовых средних слоев, а затем и массового среднего класса. Марксовы взгляды на тенденции развития системы социального неравенства и конфликта в рамках промышленного капитализма и, шире, на судьбу промышленного капитализма в целом не получили подтверждения в рамках социальных и экономических трансформаций обществ первой половины — середины XX в. Более того, социальное развитие опровергло его позицию, и в рамках социологических теорий была создана теория среднего класса как фундаментального экономического основания и политического баланса этих обществ. В теориях менеджериального, а затем и постиндустриального общества менеджериальный и сервисный классы соответственно, составившие костяк среднего класса, стали главной характеристикой этих обществ — менеджериального, сервисного, общества знания, постиндустриального.

Данная тенденция развития социального неравенства в рамках промышленного капитализма была также зафиксирована и обоснована в рамках экономической теории. В середине 1950-х гг. С. Кузнец выдвинул теорию, согласно которой, как это формулирует Т. Пикетти, «неравенство в доходах на самом деле спонтанно уменьшается на поздних стадиях развития капитализма вне зависимости

от проводимой политики и особенностей страны и затем стабилизируется на приемлемом уровне. [...] Этот оптимизм разделял и Роберт Солоу, предложивший в 1956 году анализ условий возникновения “пути равномерного роста”, т.е. такой траектории роста, при которой все параметры — производство, доходы, прибыль, зарплаты, капитал, биржевые индексы, цены на недвижимость и т.д. — растут в одном темпе, благодаря чему все социальные группы извлекают равную выгоду из роста и значительные расходы отсутствуют»⁴⁴.

“Кривая Кузнеца”, согласно которой за стадией роста неравенства, относящейся к началу и первым этапам индустриализации, следует стадия ослабления неравенства, приходящаяся на 1913–1948 гг. Кривая демонстрирует, что «в 1910–1920-е гг. верхняя дециль в распределении, т.е. 10% американцев, ежегодно получала до 45–50% национального дохода. В конце 1940-х гг. доля этой же верхней децили упала до 30–35% национального дохода. При этом доля среднего и низшего класса в национальном доходе “уверенно росла”: с 50–55% в 1910–1920 гг. до 65–70% в конце 1940-х гг.»⁴⁵

Однако стартовавший в 1970-х гг. обратный процесс роста социального неравенства и поляризация системы социальной дифференциации опроверг теорию Кузнеца. В США, например, по данным Пикетти, в 2000–2010 гг. концентрация доходов превысила показатели 1910–1920-х гг. Это движение было очень быстрым и в его результате доля верхней децили к 2010-м гг. выросла до 50% национального дохода.

Оценивая это движение неравенства, Пикетти указывает, что при его объяснении следует воздержаться от всякого экономического детерминизма: “...история распределения богатств всегда имеет большую политическую подоплеку и не может сводиться к одним лишь экономическим механизмам. Так, сокращение неравенства, наблюдавшееся в развитых странах в 1900–1910-е и в 1950–1960-е годы, было прежде всего результатом войн и той политики, которую начали проводить государства по их окончании. Точно так же усиление неравенства, вновь начавшееся в 1970–1980-е годы, было во многом предопределено политическими переменами последних десятилетий, особенно в налоговой и финансовой сферах. История неравенства зависит от представлений экономических, политических и социальных агентов о том, что справедливо, что нет, от взаимоотношений между этими агентами и от коллективного вы-

⁴⁴ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015. С. 29.

⁴⁵ Там же. С. 31.

бора, который из этого проистекает; она складывается из того, что делают все заинтересованные агенты”⁴⁶.

Однако эта позиция Пикетти, очень близкая взглядам Т. Веблена, не объясняет того обстоятельства, что социальная поляризация и проблемы для социального государства начались до того, как совершился поворот в экономической политике и получили самое широкое распространение неолиберальные взгляды и ценности. Чрезвычайно важным в этом плане является тот факт, что с начала XXI в. и особенно с начала его второго десятилетия разрыв между богатыми и бедными достигает новых пределов. В соответствии с недавно опубликованными данными “Credit Suisse” 1% наиболее богатых людей обладают большим богатством, чем все остальное население мира вместе взятое. Богатство, которым обладает “нижняя половина человечества”, сократилось на триллион долларов за последние пять лет. Однако это всего лишь новейшее свидетельство того, что сегодня мы живем в мире, уровень неравенства в котором не наблюдался уже более столетия. “Экономика для 1%” является шокирующим новым свидетельством того, что кризис неравенства вышел из-под контроля. По свидетельству Oxfom (Оксфордский комитет помощи голодающим), в 2015 г. 62 человека обладали таким же богатством, как и 3,6 миллиарда человек, образующих “нижнюю половину человечества”, а еще совсем недавно, в 2010 г., эта цифра составляла 388 человек. С 2010 г. богатство этих 62 увеличилось на 44% — более чем на 542 миллиарда, в то время как богатство нижней половины упало более чем на триллион долларов — это падение в 41%. С начала нового тысячелетия половина населения мира получила всего лишь 1% от общего богатства, в то время как половина этого увеличения ушла верхнему 1%. Растущее экономическое неравенство плохо для всех, оно подрывает рост и социальную солидарность, но хуже всего это для бедных. В социологической литературе это современное неравенство предлагается рассматривать не как результат простого экономического процесса, а как новую форму классовой борьбы: “классовой борьбы после классовой борьбы”, ведущуюся сверху с позиций силы⁴⁷.

Борьба классов в современном мире ведется, согласно Л. Галино, прежде всего посредством законов, создаваемых правительствами и парламентами, которые призваны, невзирая на видимость, укреплять позиции и защищать интересы господствующего класса и

⁴⁶ Пикетти Т. Указ. соч. С. 39.

⁴⁷ An economy for the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be atopped. URL: www.Oxfom.org.210oxfam Briting paper. 2016. 18 Jan.

противодействовать тому, чтобы трудящийся класс и средний класс утверждали свои интересы.

Типичный способ ведения борьбы классов — фискальная нормативность. В последние десятилетия это осуществлялось двойко: посредством серьезного снижения налогов для богатых и перекладывание налогов на общество. Это уменьшает поступления, что делает необходимым урезание расходов, полезных для трудящихся.

Правые утверждают, что даже если богатые становятся более богатыми, средне (умеренно) богатые и средне бедные не терпят ущерба от сверхобогащения богатых. Это неверно. Сокращение налоговых поступлений ведет к уменьшению общественных услуг и систем социальной защиты. Иногда от налоговой политики экономически более низкие классы терпят и прямой ущерб.

Налоговые преимущества напрямую ведут к общему ухудшению качества жизни трудящихся классов и средних классов. Деньги, полученные вследствие налоговых преимуществ, уходят на поиски других денег, они не идут на продуктивные инвестиции.

Суть вопроса в том, что “налоговые преимущества напрямую ведут к общему ухудшению качества жизни трудящихся классов и средних классов”⁴⁸.

Налицо и другие средства ведения классовой борьбы верхов по отношению к низам с использованием в качестве инструмента законодательного процесса.

На передний план следует поставить политику и законы, которые представляют в качестве неизбежного зла безработицу и нищету, вместо того чтобы бороться с ними.

Атака класса-победителя на трудящиеся классы и средние классы в последние годы приняла форму атаки на публичные системы социальной защиты. Можно сказать, что совокупность форм социальной защиты, известных как европейская социальная модель, уже давно подвергается атаке. Все это особенно усилилось начиная с весны 2010 г. — во имя необходимости санации и мер экономии.

В США классовая борьба в последние десятилетия приняла форму не борьбы с социальной моделью, которой там никогда не существовало, а атаки даже на робкие попытки ввести ее, например, скромная реформа здравоохранения Б. Обамы.

Среди других форм классовой борьбы в современном мире Галино считает необходимым отметить изгнание крестьян с земли. Правительства обвиняют их в том, что они недостаточно продуктивны, не производят на экспорт, не применяют современные технологии. Земля отходит крупным корпорациям. Крестьяне уходят

⁴⁸ Gallino L. La lotta di classe dopo la lotta di classe. Roma-Bari, 2012. P. 26.

в города, многие из них оказываются в трущобах. Обитатели трущоб по определению лишены какой-либо власти.

Выделение скудных ресурсов борьбы с нищетой и голодом представляет собой форму классовый борьбы. Это не прямая борьба, она отличается от фискальной, однако, она не менее важна, поскольку означает полную индифферентность к судьбе миллиардов людей.

Можно говорить и о других формах классовый борьбы вдобавок к рассмотренным. К примеру, атака на профсоюзы. В течение 30 послевоенных лет профсоюзы оказывали значительное влияние на перераспределение доходов в пользу трудящихся, а также способствовали расширению прав трудящихся. Именно в силу этих двух моментов профсоюзы в Европе начиная с 1980-х гг. подвергаются мощной атаке со стороны правоцентристских, а иногда и левоцентристских правительств. Достаточно вспомнить М. Тэтчер и Р. Рейгана.

Отсюда проистекает значительное уменьшение членства в профсоюзах, особенно в промышленности и в сфере услуг. Правоцентристы развернули кампанию, ориентированную на то, чтобы изобразить профсоюзы ретроградным явлением, реликтом прошлого, нефункциональным институтом. Левоцентристы по преимуществу считают, что профсоюзы должны “модернизироваться”, т.е. принимать любые условия труда. Все это часть классовый борьбы, по мнению Галино.

Понимание и рассмотрение современного социального неравенства как новой формы “борьбы классов после борьбы классов”, заставляет социологов обратиться к поиску более фундаментальных причин этого неравенства, к более фундаментальным процессам, чем социальная и экономическая политика, оформляющаяся от имени достигнутого в электоральном процессе согласия и общественного договора.

В этом плане теория (марксистская по своему происхождению), которую предлагает Р. Коллинз и которая основывается на анализе процесса технического замещения живого труда машинами, компьютеризации и распространения информационных технологий, которые ускоряются в последние двадцать лет беспрецедентными темпами, выглядит как обладающая большой объяснительной силой.

Процесс технологического замещения труда является фундаментальным для промышленного капитализма, осуществляющего систематическое внедрение машин на фабриках и заводах для решения проблем усиления конкурентоспособности, увеличения производительности труда и нормы прибыли в рамках общего процесса рационализации процесса производства и управления.

Именно этот процесс технологического замещения труда Коллинз помещает в центр анализа современного капитализма. По его мнению, “этот процесс технологического замещения труда, дойдя до определенного предела, породит долгосрочный и, вполне возможно, окончательный кризис капитализма, причем сам по себе, даже без содействия других процессов, о которых говорят марксистская и неомарксистская теории”⁴⁹. Он подорвет капитализм в течение следующих 30–50 лет.

В методологическом плане Коллинз однозначно заявляет свою позицию. Он признает полипарадигмальность современной социологии и множественность теорий, по-разному соотносимых с различными аспектами, процессами и явлениями социального мира, но для его описания и анализа выбирает марксизм, сводя его при этом к усеченной версии — к теории долгосрочного экономического кризиса капитализма.

Согласно Коллинзу, предсказанный Марксом и Энгельсом крах капитализма вследствие технологического замещения труда до сих пор не случился, поскольку сработали механизмы, которых они не предвидели, и возник «обширный средний класс “белых воротничков”, образованных профессионалов... Вплоть до 1980–1990-х годов механизация в первую очередь замещала ручной труд. Но последняя технологическая волна принесла с собой замещение управленческого труда и первое сокращение среднего класса»⁵⁰.

Он называет пять основных путей, посредством которых капитализм обходит кризис технологического замещения и которые в настоящее время оказались заблокированными.

Во-первых, речь идет о новых технологиях, которые, якобы, создают новые рабочие места и совершенно новые виды занятий. По мнению Коллинза, этот тезис не более чем экстраполяция старых тенденций на современность. В настоящее время в развитых экономиках сокращение рабочих мест в промышленности и сельском хозяйстве привело к тому, что доля рабочих мест в сфере услуг составляет 75%. Но сама сфера услуг подвергается давлению информационных технологий, и в ней люди также замещаются и вытесняются таким образом, что компьютеризация рабочих мест среднего класса не возмещается созданием новых рабочих мест. Структурная безработица, затронувшая средний класс, приведет к снижению потребления и будет действовать в направлении блокирования механизма капиталистического накопления.

⁴⁹ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма. М., 2015. С. 61.

⁵⁰ Там же. С. 63–64.

Вторым выходом из кризиса, порожденного технологическим замещением, было географическое расширение рынков.

Опираясь на анализ процессов глобализации, модернизации, догоняющего и ускоренного развития, Коллинз утверждает, что возможности «данного предохранительного клапана исчерпаны; в мире не остается “целинных” областей для эксплуатации; прибыль капиталистов иссякает... глобализация рынков сокращает рабочие места для среднего класса»⁵¹. Глобализация приводит к гегемонизации рабочей силы верхнего и среднего класса на едином рынке труда, жизнь его представителей уже сейчас наполнена конкуренцией и неопределенностью куда больше той, которая существовала тогда, когда их защищали национальные границы. Глобальная миграция представителей среднего и верхнего класса ведет к резкому сокращению их рабочих мест.

Третьим, традиционно используемым выходом из кризиса технологического замещения, Коллинз называет финансовые метарынки.

Коллинз рассматривает вклад современной финансиализации капитализма и финансового краха 2008 г. в замещение труда среднего класса. Он утверждает, что «финансовые махинации наших дней проистекают из глубинной структурной тенденции капитализма: надстраивание на финансовых рынках пирамид из метарынков»⁵². «Под надстраиванием пирамид из метарынков я подразумеваю историческую тенденцию любого финансового рынка порождать рынок более высокого порядка из финансовых инструментов более низкого прядка. В реальных жизненных практиках все денежные средства — это обещания заплатить в будущем»⁵³.

Коллинз подчеркивает, что изобилующие пирамидами финансовые рынки являются не просто экономическими, но в значительной степени социальными конструктами. В мире финансовых инструментов интерактивные процессы в социальной сети и порождаемые ими социальные и эмоциональные состояния «соотносятся с экономикой материального мира в диапазоне от шести к одному... до, весьма вероятно, нескольких сотен к одному в ходе финансовых манипуляций под необеспеченные займы»⁵⁴.

Основной тезис Коллинза состоит в том, что «чем больше финансовые метарынки склонны к созданию пирамид, тем они нестабильнее и сильнее подвержены кризисам, а их подъемы и спады меньше связаны с тем, что происходит на низших уровнях матери-

⁵¹ Коллинз Р. Указ. соч. С. 71.

⁵² Там же. С. 73.

⁵³ Там же. С. 74.

⁵⁴ Там же. С. 75.

альной экономики”⁵⁵. И это “плюс” с точки зрения выживаемости капитализма. Однако что касается того тезиса, что финансовый капитализм может позволить всем участникам социальной игры стать капиталистами, играя на бирже, то здесь ситуация иная.

В конце XX — начале XXI в. число участников финансовых рынков значительно выросло за счет пенсионных фондов, мелких биржевых инвесторов и спекулянтов, работающих по схеме пирамиды. Мелкие инвесторы вкладывают свою зарплату, сбережения и пенсии. Однако финансовые рынки не являются элитарными. Богатство сосредоточивается в руках немногих крупных игроков, находящихся на вершине финансовой пирамиды. Коллинз ссылается в связи с этим на теорию В. Зелизер⁵⁶ о том, что деньги — вовсе не гомогенная субстанция, но неоднородные наборы особых валют, имеющих обращение в своих собственных социальных сетях. Мелкие игроки даже не имеют печального входа, например, в сферу хедж-фондов.

Поэтому социальная утопия об обществе, в котором никто не занимается производительным трудом, все ведут жизнь финансовых игроков — не более чем утопия.

Четвертым выходом из последствий процесса технологического замещения Коллинз называет государственную работу и госинвестиции. Это кейнсианский рецепт “государства всеобщего благосостояния” в историческом варианте 1930-х, 1940-х и 1950-х гг. “Напрямую стимулируя найм, государство тогда создавало главным образом административные и служебные должности для среднего класса. Но сегодня тренд к автоматизации и компьютеризации такого рода занятий так или иначе затронет также и государственную службу”⁵⁷.

Попытка сопротивляться процессу технологического замещения посредством консервации технологической отсталости или посредством политики военного кейнсианства, стимуляция экономики с помощью бюджетных инвестиций в материальную инфраструктуру (дороги, мосты, аэропорты и т.д.), регулирование частных сфер бизнеса через введение более короткой рабочей недели и защиту рабочих мест от сокращения — все эти меры вмешательства государства в экономику неэффективны для решения проблемы технологического замещения. Правительство, финансирующее затратное государство всеобщего благосостояния, как считает Коллинз, делается уязвимым для давления финансовых рынков, может резко

⁵⁵ Коллинз Р. Указ. соч. С. 75.

⁵⁶ Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. М., 2004.

⁵⁷ Коллинз Р. Указ. соч. С. 79.

снизить покупательную способность национальной валюты и окажется в рискованной зоне в связи с нарастающим расколом элит по поводу методов выхода из структурного кризиса. Но если, как считает Коллинз, все эти моменты в рамках нынешней ситуации экономической рецессии и 10% безработицы существуют как опасности, то при 50% безработице (что вполне возможно) существует вероятность полномасштабного краха государства. “На таком уровне давления наиболее очевидным исходом кажется революционный слом системы собственности, прежде всего установление контроля над рынками финансов, чтобы они не смогли обрушить национальную валюту. При этом будут уничтожены не только отдельные составляющие капитализма — разрушится сама его институциональная основа”⁵⁸.

Пятым выходом из процесса технологического замещения Коллинз называет инфляцию дипломов об образовании: “Инфляция дипломов — это рост требований к образованию соискателей по мере увеличения доли населения, получающей образование все более высокого уровня”⁵⁹. Инфляция дипломов помогает поглощать избыточную рабочую силу, удерживая все большее число людей от выхода на рынок труда.

По мнению Коллинза, система массового образования фактически действует в качестве кейнсианского механизма распределения скрытых социальных пособий. Там, где “меры всеобщего благосостояния идеологически непопулярны, миф об экономике знаний оправдывает и исподволь поддерживает немалую долю социального перераспределения. Добавьте сюда миллионы преподавателей начальных, средних и высших школ, а также административных сотрудников — можно сказать, что скрытое кейнсианство образовательной инфляции практически держит на плаву капиталистическую экономику”⁶⁰.

Система образования в настоящее время становится еще одним сектором занятости, который начинает претерпевать процесс технологического замещения. И тем не менее, как считает Коллинз, из пяти вариантов выхода из кризиса капитализма выход в виде продолжения образовательной инфляции кажется ему наиболее адекватным.

Компьютеризация труда среднего класса началась в последнем десятилетии XX в. и происходит гораздо быстрее, чем механизация ручного труда, которая заняла весь XIX в. и три четверти XX в.

⁵⁸ Коллинз Р. Указ. соч. С. 83.

⁵⁹ Там же. С. 83.

⁶⁰ Там же. С. 87.

По мнению Коллинза, к 2040 г. безработица достигнет 50%, а вскоре и 70%. Он согласен с прогнозом миросистемной теории (И. Валлерстайн, Дж. Арриги) об окончательном кризисе капитализма в середине XXI в.

Составляющие кризиса выглядят следующим образом. Во-первых, бюджетный кризис, государство уже не способно оплачивать счета, содержать силы безопасности, армию и полицию, оплачивать военные расходы. Во-вторых, раскол в верхах относительно политики в ситуации бюджетного кризиса. Раскол в элите часто усиливается военными поражениями, которые дискредитируют правительство и ведут к требованиям радикальных преобразований. В-третьих, раскол элит парализует государство и откроет возможность для новой политической коалиции, заявляющей радикальные революционные цели и возглавляемой представителями верхнего и среднего класса. Революции, как считает Коллинз, будут происходить и в будущем, даже если они не будут сопровождаться военными поражениями. Множество процессов и проблем усложняет будущее: глобальная неравномерность развития, массовая миграция, войны, этнические и религиозные конфликты, старение населения, рост государственных расходов. Но главной проблемой станут кризис капитализма и его конец. Это не станет, однако, концом истории. Но “что бы ни пришло на смену капитализму, ему прежде всего придется заняться полномасштабным перераспределением частных состояний и активов, генерируемых капиталистическим бизнесом и финансовыми манипуляциями”⁶¹.

Коллинз считает, что “единственный путь преодоления кризиса заключается в замене капитализма на некапиталистическую систему, что подразумевает введение социалистической собственности и жесткого централизованного управления и планирования... Итог остается прежним: технологическое замещение среднего класса... вызовет крах капитализма еще до конца XXI в.”⁶²

Некоторые оценки и выводы

Как это очевидно из теорий, анализ которых представлен в данной статье, современное общество рассматривается в новейшей социологической теории как приобретающее новое качество и очертания. Ключом к его социологическому прочтению становится не знание и наука как довольно расплывчато формулируемый социальный ресурс, а вновь актуализированная перспектива капита-

⁶¹ Коллинз Р. Указ. соч. С. 105.

⁶² Там же. С. 110.

лизма в качестве главной характеристики социальных отношений. Знание и наука, воплощенные в современных технологиях, являются подчиненным моментом в социальной организации производственных отношений и главной тенденции замещения человеческого труда.

Эта новая “современность” и “новая старая” перспектива ее прочтения как капиталистическим образом организованных обществ позволяют оценить постиндустриалистские теории, теории общества знания, как очередные утопические построения, укорененные в идеологии Просвещения и Прогресса, в соответствии с которыми именно наука может быть единственной эмансипирующей силой. Развитие науки, технологии и знания, как показала их история в XIX–XXI вв., может быть описано в терминах прогресса с точки зрения внутреннего процесса роста знания. Что же касается внешней истории, ее социальной обусловленности, с одной стороны, и ее социальных последствий, с другой стороны, то в этом отношении она предстает как история инструментального разума и его социальных последствий, давно описанная представителями философии и социологии XX в. начиная с О. Шпенглера, М. Вебера, представителей критической теории и др. Критика технической цивилизации в рамках этих теорий была так или иначе увязана с процессами капиталистической рационализации и накопления. Однако оформившаяся на гребне идей и теорий конвергенции, постиндустриалистская теория общества отодвинула в сторону тот факт, что знание и наука в системе социальных отношений могут быть лишь подчиненным моментом более глубинных социальных структур или сетей властных отношений, как это было показано франкфуртцами.

Безусловно, надо отдать должное Д. Беллу в том, что он указал на сферу политики как на инстанцию, которая если не контролирует механизм функционирования знания в рамках постиндустриальных обществ, то, по крайней мере, участвует в нем. Однако следует помнить, что и сама политическая сфера является полем борьбы интересов, в которой знание, выражаясь словами П. Бурдьё, является одной из ставок в конкурентной борьбе.

Технологическое развитие, идущее небывалыми темпами в современных обществах, является подчиненным моментом отношений власти и собственности, какую бы форму последняя ни принимала — частную или акционерную, и о каком бы этапе развития ни шла речь — промышленном капитализме или капитализме на этапе финансовализации. Вновь оформившийся в социологии интерес к рассмотрению современных обществ как неокapиталистиче-

ских, существующих на фоне общих процессов сетевизации и глобализации, и имманентная критика постиндустриалистских теорий общества представляются вполне закономерными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 23–60.

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Калхун К. Что грозит капитализму сегодня? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 216–268.

Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 61–112.

Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 113–155.

Пикетти Г. Капитал в XXI веке. М., 2015.

Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.

Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.

REFERENCES

Aklemeyer Th. Der Sport, die Sorge um den Körper und die Suche nach Erlebnissen // Berliner Debatte Initial. 2003. B. 14. N 4/5.

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem weg in eine andere Moderne. Frankfurt am/M., 1986.

Bell D. The end of ideology. N.Y., 1960.

Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. N.Y., 1973.

Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. M., 1999.

Berle A. Power without property. L., 1960.

Berle A., Means G. Corporation and private property. N.Y., 1939.

Burnham J. The managerial revolution. L., 1948.

Castells M. The information age. Economy, society and culture. Oxford, 1996.

Castells M. Materials for an exploration theory of network society // British journal of sociology. 2000. N 51. P. 10.

Dordick H.S., Wang G. The information society: a retrospective view. Newbury Park; L., 1993.

Drucker P.F. Post capitalist society. N.Y., 1995.

- Galbraith J.* The new industrial society. N.Y., 1967.
- Gallino L.* La lotta di classe dopo la lotta di classe. Rom-Bari, 2012.
- Gershuny J., Miles I.* The new service economy: the transformation of employment in industrial societies. L., 1983.
- Goz A.* L'immatériel. Connaissance, valeur et capital. P., 2009.
- Gorts A.* Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. M., 2010.
- Kastel's M.* Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000.
- Kalkhun K.* Chto grozit kapitalizmu segodnya? // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 216–268.
- Kollinz R.* Srednii klass bez raboty: vykhody zakryvayutsya // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 61–112.
- Machlup F.* The production and distribution of knowledge in the United States. Princeton, 1962.
- Mann M.* Konets, mozhets, i blizok, tol'ko dlya kogo? // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 113–155.
- Masuda Y.* The information society as post-industrial society. Washington, 1981.
- Mida D.* Qu'est-ce que richesse? P., 1999.
- Moulier-Boutang Y.* La troisième transition du capitalisme // Vers un capitalisme cognitif / Ed. by Ch. Azaïs, A. Corsani, P. Dieuaide P., 2000.
- Negri A., Hard M.* Empire. Cambridge; Harvard, 2000.
- Piketty Th.* Le capital au XXIe siècle. P., 2013.
- Piketti G.* Kapital v XXI veke. M., 2015.
- Polyakova N.L.* Ot trudovogo obshchestva k informatsionnomu: zapadnaya sotsiologiya ob izmenenii sotsial'noi roli truda. M., 1990.
- Polyakova N.* XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva. M., 2004.
- Rostow W.* How it all began. N.Y., 1975.
- Roszak Th.* The cult of onformation. N.Y., 1986.
- Sériey H.* Organisation apprenante et complexité // Transversales. 2002. N 2.
- Sklair L.* Globalization: capitalism and its alternatives. Oxford, 2010.
- Standing G.* The precariat. The new dangerous class. L., 2011.
- Standing G.* Prekariat: novyi opasnyi klass. M., 2014.
- Toffler A.* The third wave. N.Y., 1980.
- Toffler E.* Tret'ya volna. M., 2004.
- Touraine A.* La Société post-industrielle. P., 1969.
- Touraine A.* Critique de la modernité. P., 1992.
- Vallerstain I.* Strukturnyi krizis, ili Pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnym // Est' li budushchee u kapitalizma? M., 2015. S. 23–60.